

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 328.123(470.23-25)"1925/26"+378

ГРНТИ: 03.23.55: История России Новейшего времени (с XX в.)

DOI 10.35231/25422375_2021_2_81

Д.А. Баринов

Ленинградская оппозиция 1925–1926 гг. и высшая школа*

Исследование внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг. – одно из наиболее актуальных и перспективных направлений изучения советской истории. Относительная свобода во взглядах и политической активности большевиков того периода позволяет оценить имевшиеся перспективы развития социалистической революции в России. Особую роль в разыгравшейся борьбе играли партийная интеллигенция и студенчество, традиционно отзывчивое к радикальным течениям. Статья показывает, какое влияние на высшую школу оказало столкновение между сторонниками Зиновьева и группой Сталина-Бухарина, происходившее вокруг XIV съезда партии в Ленинграде (декабрь 1925 – январь 1926 гг.). Автор уделяет внимание участию преподавателей и студентов в пропагандистской кампании, в мобилизации сторонников и в борьбе против «инициативных групп». Основными источниками для статьи стали малоиспользованные ранее протоколы партийных ячеек различных вузов, публицистика, личные дела оппозиционеров, материалы Контрольных комиссий ВКП (б), отвечавших за соблюдение партийной дисциплины.

Ключевые слова: левая оппозиция, высшая школа, Зиновьев, история Санкт-Петербурга, студенческое движение, внутривнутрипартийная борьба.

Dmitrii A. Barinov

Leningrad opposition in 1925–1926 and higher school

Study of the inner-party struggle of the 1920s in CPSU(b) is one of the most actual and attractive subjects of USSR history. The relative freedom in the Bolsheviks' views and political activities of that period makes it possible to assess the existing prospects for the development of the socialist revolution in Russia. The party intelligentsia and students, traditionally responsive to radical trends, played a special role in the unfolding struggle. The article shows what influence the clash between supporters of Zinoviev and Stalin-Bukharin, which took place around the XIV Party Congress (December 1925 – January 1926), had on the higher education. The author pays attention to the participation of teachers and students in the propaganda campaign, in the mobilization of supporters and in the fight against "initiative groups". The main sources for the article

© Баринов Д.А., 2021

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 19-011-00782А «Историческая наука Петербурга – Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

were the previously little used protocols of party cells of various universities, journalism, personal files of the opposition, materials of the Control Commissions of the CPSU (b), responsible for the observance of party discipline.

Key words: Left opposition, higher school, Zinoviev, History of St. Petersburg, student movement, internal party struggle.

Партийная дискуссия 1920-х гг., в той или иной форме продолжавшаяся на протяжении всего десятилетия, стала ярким интеллектуальным и политическим столкновением лидеров большевистской партии, опиравшихся на различные группы поддержки. Особую значимость этой продолжительной борьбе придает то, что ее итоги на долгие годы вперед определили будущее устройство и характер развития Советского государства. Важным этапом противостояния внутри партии стало формирование в декабре 1925 г. новой оппозиции, центром которой стал Ленинград, а лидерами – Г.Е. Зиновьев и его ближайшие соратники. В историографии достаточно подробно изучено действие оппозиции в «верхах» власти (на губернских партконференциях, на XIV съезде, в Политбюро), однако поразительно мало внимания уделяется ходу дискуссии «на местах», т. е. в отдельных городах или партийных ячейках [см. 16; 39; 42; 44; 51]. Между тем эта проблема представляется нам одной из ключевых, поскольку именно ее изучение позволит дать ответы на принципиальные вопросы: пользовалась ли оппозиционная платформа ленинградской партийной организации действительной поддержкой масс? Как стал возможен столь стремительный разворот от поддержки зиновьевцев к их безоговорочному осуждению, произошедший буквально в течение пары недель после съезда? Отталкиваясь от примера высшей школы Ленинграда, мы стараемся ответить на эти вопросы.

Основная цель статьи – на примере ленинградских вузов определить роль партийной интеллигенции (преподавателей и студентов) во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. и выяснить место текущей политики в жизни высшей школы. Важность обращения к этой проблеме нам видится в том, что основным источником кадров для большевистского руководства выступала именно новая, партийная интеллигенция, а студенческая молодежь воспринималась как наиболее восприимчивая группа к оппозиционным течениям.

По данным справочника «Весь Ленинград», на 1 января 1926 г. в городе насчитывалось 33 высших учебных заведения, протоколы заседаний бюро и общих собраний коллективов доступны для 21 из них: ЛГУ, Коммунистический университет, Горный, Педагогический, Политехнический, Технологический, Химико-фармацевтический, Лесной, Медицинский, Ветеринарный институты, институты труда, живых восточных языков, народного хозяйства, усовершенствования врачей, медицинских знаний, политпросвет работы, Академия художеств, Ар-

тиллерийская академия РККА, Государственная консерватория, Отделение Коммунистического университета национальных меньшинств запада. Материалы работы этих коллективов, объединявших тысячи партийцев, а также личные дела оппозиционеров станут главным источником для нашего исследования. В ходе нашего анализа мы постараемся также определить, в каких вузах столкновение ЦК и ленинградской организации спровоцировало дискуссию, а где, фактически, осталось незамеченным.

Началом активной фазы конфликта можно считать параллельную работу Московской (5–13 декабря) и Ленинградской (1–10 декабря) партийных конференций, посвященных подготовке к грядущему XIV съезду. Работа конференции выявила ряд расхождений по принципиальным проблемам. Ленинградцы критиковали строительство социализма в одной стране, обосновывали необходимость наступления на кулака, отстаивали необходимость расширения государственной кооперации как ключевого этапа перехода к социализму и т. д. Претензии ленинградцев к собственной программе и упреки в адрес политики ЦК заставили столичную организацию направить в их сторону ряд резких обращений, которые только обострили конфликт. Идеиные разногласия вылились на страницы партийной печати: «Ленинградская правда» и «Красная газета» стали главными платформами для дискуссии, где, вопреки звучащим из столицы обвинениям, публиковались и мнения москвичей.

Важно отметить, что на стороне оппозиции активным участием в этой полемике отметились преподаватели факультета языка и материальной культуры Ленинградского университета. М.М. Цвибак (1899–1937) выступил с критической статьей в адрес некоего А.С. (вероятно, известный бухаринец А.И. Стецкий), выступившего на страницах московской «Правды» против идеи о государственной кооперации, в которой оппозиционеры видели инструмент ограничения нэпа. Обвинения в антиленинизме доцент ямфака отметал с явной долей сарказма: «На первый взгляд читателю кажется, что есть где-то в Ленинграде какие-то антиленинцы, настолько погрязшие в меньшевизме, что они не хотят признать социалистическую роль кооперации и баста. Но дело в том, что таких антиленинцев пока не встречалось (не исключена, правда, возможность, что таковых могут прислать из [московского] института красной профессуры)» [46]. Продолжился спор со сторонником позиции Московской организации открытым переходом на личности: «До сих пор считалось, что графомания есть болезнь преимущественно старческого возраста, ею страдали престарелые генералы, доживавшие последние старческие годы на пенсии и прочие подобного рода люди. В наш век колоссального ускорения темпа всей нашей жизни, болезни прежде свойственные лишь одним старикам, начинают

охватывать некоторую часть молодежи. Ничем другим, как графоманией – в самом подлинном смысле этого слова – мы не можем объяснить одну за другой появляющиеся в “Правде” статьи А.С. Заносчивый и менторский тон “почтенного журналиста”, соединенный “с легкостью мысли необычайной”, заставляет вспомнить незабвенного [гоголевского] Ивана Александровича и его друга Тряпичкина» [45]. Не менее острыми были статьи другого университетского историка А.И. Анишева (1899–1936). Критикуя противников кооперации, бухаринцев Д.П. Марецкого и В.Н. Астрова, за непонимание идей В.И. Ленина, он вопрошал, «не собираются ли они отнести Ильича в отдел литературы по **истории** социализма». А.И. Анишев отмечал, что его оппоненты игнорируют существующее расслоение в крестьянской массе, которое государственная кооперация сможет регулировать, налаживая контакт между сельским хозяйством и промышленностью [2].

В статье «Наша действительность и наши перспективы» доцент университета И.Л. Татаров приводит исторический экскурс дискуссий, в которых участвовала большевистская партия (с народниками, меньшевиками, левыми коммунистами), и приходит к выводу, что социализм, по Ленину, это действительный путь, но с «неизбежными зигзагами» и важно «не затеряться в изломах» сегодняшнего дня. Эта историческая ретроспектива также сводится к проблемам текущей дискуссии и заканчивается размышлениями о государственном капитализме и кооперации как необходимом этапе социалистического строительства в условиях преимущественно мелкохозяйственного производства в деревне. «Рост кооперации почти тождественен росту социализма!» – заключает И.Л. Татаров (1901–1938) [43]. Схожей тематики касалась статья его коллеги по факультету Сефа (С.Е. Фаермарка, 1900–1937), утверждавшего, что «нельзя в наших условиях противопоставлять госкапитализм социализму, <...> госкапитализм есть на три четверти социализм» [41].

Активно выступал в печати и один из наиболее ярых участников новой оппозиции ректор Коммунистического университета и проректор ЛГУ Сергей Константинович Минин (1882–1962). В своем обращении в журнале «Зиновьевец» ко второму выпуску возглавляемого им университета (декабрь 1925 г.), он делал недвусмысленные намеки на текущую дискуссию. Призывая сохранить союз пролетариев с крестьянским беднячеством против кулака и нэпмана, он отмечал: «растет понемногу и новый капитализм. А капитализм умеет совершать не только воинственные и шумные интервенции, но и также и бесшумные “газовые атаки”, которые могут быть опаснее прямого открытого нападения» [11].

16 декабря Ленинградская конференция подготовила декларацию, отражавшую основные предложения, за которые стояла оппозиция [9]. По городским ячейкам прокатилась кампания безоговорочной под-

держки решений организации, в которой участвовали и все вузы Ленинграда. Свидетельств тому, что какой-либо коллектив городского вуза выступила против, мы не обнаружили. Только в Коммунистическом университете оппозиция встретила заметное сопротивление. Здесь доклад об итогах конференции сопровождался содержательным обсуждением, в частности ряд собравшихся (М.Б. Бреннер, Ф.И. Анфалов) выступили против нападок на кулака. На их реплики отвечал оторг (ответственный организатор, т.е. руководитель) бюро университета Михаил Иванович Рыбин (1898–1943), вспоминая об «антипартийной роли» бухаринского лозунга «Обогащайтесь»: «Давно ли этот т. Бухарин разучился формулировать? Нет, дело не в формулировке». Тем не менее, итоги конференции были поддержаны 126 голосами против 71 (в остальных вузовских коллективах против высказывались лишь единицы) [35].

Ситуация единой поддержки кардинально изменилась с началом съезда (18–31 декабря 1925 г.). Дискуссия о проблемах социалистического строительства быстро стала перемежаться с обвинениями ленинградцев во фракционности, оппозиционности, нарушении партийной дисциплины и др. Противостояние было перенесено и в Ленинград. Оппозиционеры, как и сторонники ЦК, отправляли в северную столицу своих делегатов, которые должны были склонить крупные ячейки проголосовать за или против поведения ленинградской делегации. И.В. Сталин возложил эту миссию на Н.М. Шверника, Н.П. Комарова, С.С. Лобова, и И.М. Москвина. Однако поначалу их поездка не принесла результатов, в первые дни съезда резолюции в поддержку делегации были приняты в двухстах ячейках и в четырех из семи райокомах города [51, р. 198].

Занималась агитацией и оппозиция из вузов. Так, С.К. Минин во время съезда выступал на фабрике «Скорород». Касаясь разногласий ленинградской делегации с ЦК, он говорил: «кто против нас выступает, бывшие троцкисты, полуменьшевики, кумушки, карьеристы, хозяйственники и какие-то вузовцы» [36]. Последнее обвинение явно относилось к московскому Институту Красной профессуры – одному из главных центров сторонников Н.И. Бухарина [см. подробнее: 17]. Примечательно, что С.К. Минин встал против И.В. Сталина, несмотря на близкое знакомство с ним во время обороны Царицына, главного места службы Минина во время Революции и Гражданской войны (некоторое время его имя носил один из районов города). Они оба также входили в Военный совет Северо-Кавказского военного округа в 1918 г. [см. подр.: 3].

Разумеется, прежде всего делегаты съезда старались воздействовать на крупные заводские коллективы, однако особое внимание было уделено и Коммунистическому университету им Зиновьева (КУЗ), как одному из наиболее активных центров поддержки главы Ле-

нинграда. Г.И. Григоров вспоминал о настроениях части студенчества: «после Ленина только Зиновьев должен стать вождем. На вопрос: "А нельзя ли вообще обойтись без вождя?" – ответили: "Ты наивен, не может быть диктатуры без вождя, а дело идет к диктатуре. Кому же быть вождем, если не председателю Коминтерна"» [8, с. 399]. Политическая поляризация КУЗа превратила обсуждение съезда в настоящий скандал. С началом съезда отдельные сторонники ЦК пытались созвать собрание коллектива с намерением обсудить текущий съезд и пересмотреть решение о поддержке Ленинградской делегации от 16 декабря, так как зиновьевцы якобы намеренно скрыли существующие разногласия с ЦК. Начальство университета (ректор С.К. Минин и оторг М.И. Рыбин), как активные оппозиционеры, разумеется, отказывали им в этом. Тогда на историческом отделении университета начала формироваться «инициативная группа» (Анфалов, Боровков, Вавилин, Зудов, Жук), которая, по существу, стала параллельным бюро университета. На помощь им была отправлена из Москвы делегация студентов Коммунистического университета им. Свердлова. Семь десятков москвичей быстро включились в обработку ленинградских зиновьевцев [16].

Работа делегации свердловцев подробно описана в работе И. Халфина. Мы со своей стороны дополним ее несколькими сведениями, демонстрирующими размах работы этой группы, отталкиваясь от секретного итогового доклада, составленного ей по возвращении в столицу. На делегацию фактически легла основная работа по координации инициативных групп: в районах образовывались нечто вроде неофициальных райкомов, в которых концентрировались все связи и учитывалась вся работа в районах. При них же создавались склады съездовской литературы, откуда она распределялась по коллективам. При этом свердловцы отдавали себе отчет, что подобная работа не вполне законна: «это были зародышевые нелегальные бюро коллектива, работающие на партию, против коллектива» [40, л. 339]. Связь с коллективом устанавливалась через сочувствующих, москвичи собирались у них на квартире, объясняли актуальное политическое положение. На такие собрания приглашались все сочувствующие, призывали к активной агитации за линию ЦК. Всего свердловцы охватили 75 партийных коллективов, из вузов – Институт народного хозяйства, Педагогический институт им. Герцена, Институт инженеров путей сообщения и Коммунистический университет [40, л. 354–356].

Так, 27 декабря в КУЗе состоялось собрание сторонников ЦК, которые от лица всего университета и за подписью более сотни студентов отправили приветственное письмо съезду с поддержкой его решений (среди которых к тому времени числилось и осуждение поведение ленинградской делегации). Незадолго до этого студенты провели небольшую демонстрацию в поддержку ЦК, а преподаватели

устроили раздачу материалов съезда на центральных улицах. Последнее стало необходимым ввиду того, что зиновьевцы старались держать под собственным контролем распространение материалов о съезде, чтобы в своих органах печати представлять его в нужном для себя ключе. Тогда сторонники ЦК из Центрального района города договорились с Печатным двором о выпуске сталинского доклада, несколько сотен его копий было распространено в городе в конце декабря – начале января [51, р. 199]. Отношения между политическими противниками в это время обострились фактически до предела: «Во время наших [свердловцев] бесед со студентами члены бюро ячейки начали устраивать скандалы, называя нас шептунами и обвиняя в распространении нелегальной литературы». Студенты составляли письма против оппозиции и собирали подписи, но их отнимали представители бюро силой [40, л. 331].

На 31 декабря, без какой-либо санкции партийного бюро, инициативная группа назначила новое общее собрание, настаивая на том, что 16 декабря зиновьевцы ввели коллектив в заблуждение и скрыли разногласия с ЦК. На эту претензию М.И. Рыбин справедливо отвечал: «Заявление этой группы о недостаточной информации считать бесстыдным искажением действительности, т.к. на собрании из выступивших большинство было противниками докладчика» [34]. Бюро большинством голосов запретило пересмотр позиции университета по съезду. Тем не менее, 31 декабря собрание коллектива состоялось, на него были приглашены также партийцы из Института политпросвет работы им. Крупской (всего было около 500 собравшихся). Заявление М.И.Рыбина о том, что собрание неправомерно, и на нем ввиду каникул отсутствует кворум, было встречено обструкцией. Тогда С.К. Минин и М.И. Рыбин призвали своих сторонников покинуть собрание, отказывая ему в легитимности. Однако сорвать заседание не получилось. Оставшиеся партийцы по очереди клеймили оппозиционеров и выражали слова поддержки съезду. Среди почетных гостей присутствовал представитель московского Института Красной профессуры известный большевик Я.Э. Стэн, отметивший, что «нам не надо формально подчиняться, нам нужно, чтобы каждый член понял сам и разъяснил другим правильность решений съезда». Вслед за этим прозвучал призыв идти с агитацией за ЦК на производства [36, л. 32]. Большинство была принята резолюция в поддержку съезда (всех ушедших посчитали как воздержавшихся). На рубеже 1925–1926 гг. общие собрания в ключевых ячейках превратились в настоящее поле битвы. Противники боролись за выгодные места, старались фильтровать присутствующих и распределять своих сторонников по всем собраниям [40, л. 344–345].

В январе 1926 г. по всем ячейкам Ленинграда стартовала широкая пропагандистская кампания в поддержку решений съезда и с осужде-

нием зиновьевцев, принявшая форму своеобразной коллективной клятвы верности ЦК. Безуспешно противодействовать этому пытался созданный 5 января пленум Ленинградского губкома. Он принял резолюции против нападков на ленинградскую делегацию в печати, а также выразил возмущение тому, что в городе через сеть инициативных групп фактически была создана параллельная партийная организация, неподотчетная официальным властям.

9 января первое из собраний в поддержку съезда было проведено в Коммунистическом университете. Представители инициативной группы пытались оправдать свое поведение: они утверждали, что вынуждены были действовать оперативно, так как в ходе съезда выяснилось, что ленинградская делегация не отражает действительного мнения городской парторганизации. На этом же заседании выступил С.К. Минин, который отметил, что на собрании 31 декабря за ним ушли не 39 человек, как говорит инициативная группа, а больше сотни: «По-видимому, вы не любите арифметики. Нужно изучать арифметику, а потом политику, потому что политика есть алгебра революции» [29]. Итогом заседания стало подтверждение резолюции, принятой в последний день минувшего года.

Закрепить успех сталинского ЦК должно было новое совместное с Институтом им. Крупской собрание коллектива КУЗа. Специально для выступления был приглашен член Политбюро В.М. Молотов, посещавший многие «проблемные» коллективы. Его доклад о внутривнутриполитическом положении встретил множество возражений. Оппозиционеры восклицали, что нужно не требовать раскаяния от несогласных, а пытаться переубедить их. Не обошли вниманием и практику «инициативных групп», которые во многих ячейках проводили собрания в пользу ЦК без каких-либо разрешений со стороны действующих избранных бюро: «Я спрашиваю т. Молотова: отвечает ли та форма работы, которая ведется в настоящее время в Ленинградской организации в виде двух Губкомов <...> Второй вопрос: почему поправки к резолюции и заявления, внесенные меньшинством, объявляются на Съезде ультиматумом Чемберлена» (Иванов). М.И. Рыбина возмутило распространение партийной литературы через органы ГПУ минуя партийные инстанции [28], а также тот факт, что московская «Правда» отказалась печатать его протест против того, что собрание КУЗа в 236 членов (из общих 726) сочли за легальное и официальное [51, р. 213]. Ответы В.М. Молотова, к сожалению, в протоколе не отражены.

Острым характером дискуссии отличалась работа Ленинградского отделения коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУМНЗ), несмотря на небольшой размер партийного коллектива. Поводом для конфликта стало продолжение разногласий, связанных с развитием Коммунистической партии Эстонии [42, с. 81–82].

До настоящего момента мы говорили только о партийных высших учебных заведениях – Коммунистическом университете и Институте политпросветработы им. Крупской, ЛОКУНМЗ. Очевидно, столь острый характер противостояния здесь объяснялся особым статусом, которым обладали эти связанные с партийной структурой учреждения. Но какой характер приняла дискуссия в вузах, не имеющей партийной ангажированности? В большинстве из них радикальный переход от поддержки оппозиционной делегации к поддержке ЦК произошел практически безболезненно. Очевидно, во многих институтах даже не состоялось специальных собраний по поводу съезда, а все разъяснения происходили в рамках общих заседаний с другими коллективами. Так, на общем собрании коллективов ВКП(б) Технического, Гражданского, Ветеринарного институтов, Политехникума путей сообщения и Латышского педагогического техникума из 802 делегатов только двое воздержались при голосовании в пользу резолюции ЦК [37]. Столь же единодушно в осуждении оппозиции было общее собрание коллективов Политехнического, Лесного и Физико-технического институтов, отметившее, однако, что без разногласий партия существовать не может, но фракции – это вредный метод дискуссии [23]. На этом же собрании пытались развенчать оппозиционность Сергея Григорьевича Боголепова (1894–1943), который открестился от участия в какой-либо фракционной работе. Очевидно, раскаяние не было искренним, так как впоследствии этот вечный студент (поступил в Политех еще в 1911 г.) и старый большевик (член партии с 1913 г.) станет одним из наиболее заметных деятелей объединенной оппозиции 1926–1927 гг. [13, с. 389–390].

Состояние растерянности, в котором пребывали многие члены партии, лучше всего отражают протоколы коллектива Ленинградского медицинского института. На январском собрании по итогам съезда было прямо сказано, что коллектив, одоббивший ранее программу ленинградской делегации, находится в глупом положении. Большинство собравшихся попытались переложить вину на партийное руководство института: «Мы виноваты, что доверяли нашим руководящим т[оварищам]. Мы не виноваты за то, что получилось на 14 съезде. Почему мы голосовали за линию Губпартконференции. Потому, что декларация была так составлена, чтобы ввести в заблуждение. Неправильная информация наших руководящих т[оварищей]» (Щербаков). Глава бюро Елена Моисеевна Пружанская (1902–1937), усилиями которой принимались резолюции в поддержку делегации, быстро раскаялась и сама попросила снять себя с занимаемой должности. Коллектив ее просьбу не утвердил, но по указанию райкома перевыборы бюро все же произошли [32].

Однако не везде линия ЦК принималась без какой-либо борьбы. В целом ряде случаев в институтах формировались группы оппозицио-

неров (часто они занимали руководящие посты в бюро), которые пытались продолжить дискуссию, отстаив позицию ленинградской делегации. Одна из наиболее представительных оппозиционных групп была сконцентрирована в Горном институте. На собрании бюро 4 января зиновьевцами было высказано недоумение по поводу работы инициативной группы, действовавшей через голову начальства. В это же время представители группы парировали обвинения бюро во фракционности и отмечали, что оно прикрывается решениями губернской конференции как фиговым листком (Билибин). Ему возражали, что неверно оценивать поведение инициативных групп, как вынужденное, так как бюро вполне отражает позицию коллектива, а у групп – «семь пятниц на неделе» (Гречанская). Сторонник ЦК Илья Матвеевич Абрамович (1901 г.р.), защищая инициативную группу и вообще договорился до крамольных для большевиков вещей: «Партдисциплина играет подчиненную роль, и нарушение ее в данном случае оправдывается» [20]. Несмотря на сопротивление, общее собрание было созвано в тот же день. Оппозиционеры признали собрание незаконным и предложили всем разойтись. Этим призывам последовало 35 человек, а оставшиеся 86 начали собрание, на котором сетовали, что зиновьевцы отказывались дать помещение для сборов, легитимизировать собрание и т. д. Не остановил инициативную группу даже тот факт, что Василеостровская партийная организация в эти же дни поддерживала ленинградскую делегацию [22].

Среди участников прений был делегат XXII ленинградской губернской партийной конференции, глава партийного Бюро Горного института Георгий Иванович Козьмин (1903–1938). Его автобиография дает возможность подробнее узнать о том, как проходила агитация зиновьевцев в студенческой среде. По поручению сети партпросвещения осенью 1925 г. он вел в институте кружок по подготовке к съезду. 6 ноября состоялось собрание партактива Василеостровского районе, на которое Козьмин сумел мобилизовать 40–50 чел. «На активе присутствовали и выступали – Зиновьев, Евдокимов, Лашевич, Бакаев, Николаев, Сафаров, Наумов и др. <...> Я был целиком согласен с ними и уже понимал, что это определенная “моральная подготовка”». Относительно своей мотивации участия в оппозиции Козьмин писал: «я уже был убежден, что социализм нельзя построить в одной стране, что наши фабрики и заводы не социалистические, что кулака замазывают, что Зиновьева обижают и т.д.». В дальнейшем он активно участвовал в работе конференции, руководил кружком на заводе «Красный гвоздильщик», подбирал необходимые кадры для съезда. После начала последнего препятствовал попыткам инициативной группы созвать новое собрание, которое бы пересмотрело решение о поддержке делегации. Тем не менее, собрание состоялось, тогда по указанию сек-

ретаря райкома именно Козьмин объявил его незаконным и призвал «всех честных партийцев» его покинуть [1].

Обращение к делам студентов-партийцев также позволяет выяснить, что побудило их к участию в оппозиции. Студент Горного Михаил Матвеевич Ометов (1904–1947) писал: «я принял, что Ленинградская организация была права, появились статьи Зиновьева "бить по кулаку". Я сам выходец из деревни, мои родители были безземельные крестьяне, а тов. Сталин, открывая съезд, сказал "огонь налево". Я считал, что ЦК недооценивает кулацкой опасности. С таким настроением я был в рядах партии» [31]. В пропагандистской кружковой работе участвовали и другие студенты. Например, член Бюро института Евграф Иванович Черепов (1898 – ?), который уже в 1930-х гг. в самообличительном письме указывал, что кружок использовался «зиновьевским партруководством района для протаскивания своих антипартийных взглядов» [5]. Всего, по показаниям студента Михаила Дементьевича Сенькина (1898–1937), в этот кружок «пропагандистов» входило около 10 чел. [4].

Не менее напряженной оказалась дискуссия и в Институте народного хозяйства им. Энгельса. В январе также с подачи инициативной группы было предложено организовать собрание. Заседание бюро 4 января большинством голосов отклонило это предложение, однако общее собрание состоялось в этот же день. Оппозиционеры пытались предотвратить обсуждение, ссылаясь на то, что от райкома Центрального района поступило указание разбирать итоги съезда только после каникул и в плановом порядке. При этом подчеркивалось, что всякое неподчинение будет расценено как фракционная работа. Собрание, тем не менее, начало работу по обсуждению итогов съезда. После доклада произошло эмоциональное выступление представителя райкома Елизаветы Даниловны Дроновой (1900–1984). Она заклеила докладчика «посыльным Московской организации», выступила против отправки приветствия ЦК, так как съезд окончен и оно ни к чему, после чего демонстративно покинула собрание [21]. Столь же принципиальную позицию проявил и организатор агитационно-пропагандистской работы института Алексей Васильевич Егоров (1902-?), отказавшийся принимать итоги XIV съезда [19]. Он, как и все остальные зиновьевцы, впоследствии был откреплен от партийного коллектива института.

Нельзя не отметить, что вплоть до активизации блока Троцкого-Зиновьева в конце 1926 г., отношение к итогам XIV съезда было своеобразным маркером партийной лояльности. Так, в июне 1926 г. в бюро коллектива ЛГПИ им. Герцена поступило донесение, что лекция З.И. Лилиной (1882–1929) по истории ВКП(б) при обсуждении темы строительства социализма в отдельно взятой стране превратилась в дискуссию об итогах съезда [47, л. 114–115]. Вероятно, особое при-

страстие доносителей к обвиняемой объяснялось еще и тем, что она являлась супругой Г.Е. Зиновьева.

Решения XIV съезда не были сразу приняты и коллективом Электротехнического института. В начале января 1926 г. на заседании бюро и партийного актива выступал член ленинградской делегации А.А. Цатуров. Он отмечал, что разногласия между столичными организациями возникли еще до съезда. При этом московская «Правда» активно нападала на Ленинград, обвиняя его в паникерстве, аксельродовщине и т. д. Это и вынудило 22 губпартсъезд принять оппозиционную декларацию. На самом съезде И.В. Сталин озвучил предложения, которые ранее не обсуждались в регионах, поэтому Г.Е. Зиновьев и выступил после генсека с содокладом по политическому положению (за что впоследствии обвинялся в нарушении дисциплины). Никаких внятных ответов на предложения ленинградцев, отмечает А.А. Цатуров, не поступило, вместо ответов звучала критика старых политических ошибок оппозиционеров, в т.ч. осуждали позицию Зиновьева по крестьянскому вопросу в 1903 г. [24]. Среди тех, кто пытался заступиться за ленинградскую делегацию были студент Матвей Абрамович Павловский (1903–1940) и известная подруга В.В. Маяковского Мария («Муся») Яковлевна Натансон (1900–1937) [см. подр.: 6]. Последняя заявляла, что осуждать делегацию неправильно, так как сам коллектив несколькими неделями ранее поддержал ее в своей резолюции. Зиновьев, утверждала Натансон, поступил верно, указал на имеющиеся ошибки и недопустимость того, чтобы все решения, по существу, принимались московской организацией [25]. Однако, несмотря на определенный отпор со стороны оппозиции, резолюция была поддержана 76 голосами при семи против и двух воздержавшихся.

Наиболее крупному вузу города – ЛГУ, также пришлось совершить экстренный поворот в сторону ЦК. Хотя еще во время работы съезда в «Ленинградской правде» было опубликовано следующее: «Собрание коллектива РКП(б) Ленинградского Госуниверситета, одобряя решения конференции и отвергая обвинения ленинградской организации в делении ее на верхи и низы, со своей стороны, заявляет, что, вместе со всей ленинградской организацией наш коллектив отдаст все свои силы на проведение твердой ленинской линии штаба нашей партии – Ленинского ЦК» [10]. Буквально через две недели от былого единства в поддержке сторонников Зиновьева не осталось и следа. Только М.М. Цвибак и К.В. Нотман выступили активными сторонниками новой оппозиции. Резолюцию последнего о признании поведения Ленинградской организации правильным и отражающим мнение местной организации отклонили [38].

Однако, несмотря на активное сопротивление зиновьевцев, к концу января ленинградская оппозиция оказалась разгромленной. Под-

водя итоги агитационной поездки представителей ЦК в Ленинград, В.М. Молотов отмечал, что всего по городу 70 389 (96 %) членов партии проголосовали за ЦК, 2 244 – за оппозицию и 334 воздержались [12, с. 273]. Эти цифры, вошедшие впоследствии во все официальные издания по истории партии, были раскритикованы оппозиционером Г.Е. Евдокимовым в докладе, адресованном Пленуму ЦК 31 марта 1926 г. Он отмечал, что на одном только заводе «Красный гвоздильщик» от голосования воздержалось около 300 чел. [16]. Известно также о явной фальсификации голосования на крупнейшем предприятии «Красный треугольник», который последним в городе пал под давлением московских делегатов из ЦК. Подавление оппозиции на предприятиях – перспективная и до сих пор мало исследованная тема, однако рассматриваемый нами пример высшей школы демонстрирует фактически безоговорочную поддержку ЦК. Даже если приять во внимание, что многие зиновьевцы принципиально отказались от голосования, стремясь поставить под сомнения легитимность собраний, созванных через голову бюро, их удельный вес не будет слишком большим.

Несмотря на очевидную тенденциозность приводимых В.М. Молотовым цифр, одно из его наблюдений нельзя не признать точным – большая часть сторонников оппозиции являлась представителями партактива. Поэтому уже в январе стартовала масштабная кампания перевыборов партийного руководства (ответственных организаторов и бюро). При этом выборы происходили в принудительном порядке, и даже там, где коллектив был удовлетворен работой бюро и его главы. В большинстве случаев новый состав бюро формировался из представителей инициативных групп, участвовавших в подавлении зиновьевской «фронды». Подобные повышения для участников групп оговаривались заранее. Преподаватель Военно-политической академии Г.И. Григоров вспоминал, что Н.М. Шверник в январе 1926 г. предлагал ему поучаствовать в грядущей массовой смене городского партийного руководства. В случае если бы Григоров согласился стать секретарем парткома Путиловского завода, Н.М. Шверник обещал впоследствии продвинуть его в ЦК или ЦКК [8, с. 412]. Так что, надо полагать, значительная часть борцов с фракционностью, действовала отнюдь не из-за острых идейных расхождений с оппозицией. Несмотря на то что часть инициативных групп могла возникнуть спонтанно, их деятельность открыто поддерживалась и направлялась ЦК.

Для наиболее активных оппозиционеров исключением из состава бюро дело не ограничивалось – их увольняли или переводили работать на периферию. Пожалуй, чаще всего эта практика применялась в ЛГУ. В течение 1926 г. из университета выбыли И.Л. Татаров и С.К. Минин (также был уволен с поста ректора Коммунистического университета); А.И. Анишев и М.М. Цвибак были переведены на рабо-

ту в Ташкент; Н.М. Маторин – на низовую работу в Псковскую губернию, где некоторое время сохранял переписку с Зиновьевым, отправляя ему свои экономические очерки [15; 18].

Пример высшей школы убедительно демонстрирует, что к моменту начала съезда зиновьевцам удалось мобилизовать собственных сторонников и заручиться фактически единогласной поддержкой городских ячеек. Уже в ходе съезда и сталинская, и зиновьевская группировки пытались манипулировать партийной массой, склонив ее в свою сторону. Но если оппозиция ограничилась сравнительно легальными методами (продвижением соответствующих кадров, ограничением критических выпадов против ленинградской делегации в печати), то сталинский ЦК действовал с открытым пренебрежением к какому-либо законному порядку, сформировав фактически параллельную партийную структуру, действовавшую от имени «инициативных групп», которые игнорировали распоряжения вышестоящих органов.

Очевидно, что подобная тактика ЦК не имела бы такого успеха без молчаливого согласия большей части партийных масс. Почему же оказалась возможной столь стремительная перемена политического настроения? Во время обсуждений в бюро и на общих собраниях коллективов вузов отмечалось, что партактив скрыл имевшиеся разногласия с ЦК, и об оппозиционности ленинградской делегации основная масса узнала только в ходе работы съезда. Подобная позиция не выглядит убедительной, так как весь декабрь главные партийные газеты Ленинграда изобиловали не только публикациями сторонников Зиновьева, но и материалами, присланными в редакцию их противниками из Москвы. Скрыть разногласия при таком широком освещении конфликта было невозможно. На наш взгляд, скорое отречение от оппозиции предопределили две взаимосвязанные причины. Во-первых, очевидно, что большинству партийцев имевшиеся разногласия поначалу не казались принципиальными. Обтекаемые или, наоборот, излишне наукообразные формулировки докладов и статей не позволили выявить радикальные расхождения во взглядах сталинистов-бухаринцев и зиновьевцев, поэтому ход съезда, отчасти принявший характер распри, стал для многих членов партии неожиданным. Наиболее ярко подобное замешательство было выражено на заседании коллектива Медицинского института: «много было пущено туману, и в то время уловить что-либо конкретное было трудно» (Росляков) [33]. В этих условиях откровенно абсурдное приравнивание сторонниками Сталина любой дискуссии к ведению раскольнической работы против ЦК оказывало пугающее воздействие и принуждало ленинградцев к скорейшему исправлению «ошибок». Во-вторых, большинство партийцев не выказывало видимого интереса к масштабным проблемам развития социалистического государства и было склонно делегировать решение вопросов внутренней и внешней политики бо-

лее высоким и компетентным, с их точки зрения, органам. Все доклады о текущей политике, или о решениях пленумов и съездов одобрялись или принимались без каких-либо дискуссий или дополнений, направленных в пользу или против генеральной линии. Так произошло и в вузовской среде в декабре 1925 – январе 1926 г. Единственным заметным исключением стал коллектив Лесного института, где по инициативе самих партийцев в первой половине 1926 г. была сделана целая серия научных докладов, обосновывающих правильность решений XIV съезда в отношении перспектив экономической политики [30; 26; 27].

В целом высшая школа сыграла заметную роль в событиях, произошедших вокруг XIV съезда. Важно отметить, что сами вузы не являлись главным полем битвы между сторонниками и противниками сталинско-бухаринского курса (за исключением Коммунистического университета), так как основная борьба шла за крупные фабричные ячейки, солидарность которых обеспечивала необходимую социальную поддержку. Однако на преподавателей и студентов были возложены организационные и пропагандистские функции. На страницах печати вслед за крупными партийными деятелями (Г.Е. Зиновьевым, Г.И. Сафаровым, Саркисом, Г.Е. Евдокимовым и др.) наибольшую активность в обосновании взглядов оппозиции проявляли преподаватели ЛГУ и Коммунистического университета, в это же время студенты возглавляли агитационную работу в просветительских кружках. Однако активность преподавателей и студентов вне институтов и университетов никак не отражалась на конформистском поведении вузовских ячеек. Среди всех вузов Ленинграда борьба новой оппозиции смогла спровоцировать дискуссию только в коллективах Коммунистического университета, Института народного хозяйства, Горного и Электротехнического институтов. Мелкие вузовские коллективы, где количество членов измерялось не сотнями, а десятками, и вовсе почти не затрагивали проблемы актуальной политики.

Обращение к биографиям сторонников Зиновьева в высшей школе явно свидетельствует о неоднородности оппозиции, фактически представленной двумя группами. Первые – это формальные оппозиционеры, которые проводили линию поддержки ленинградской делегации по указанию вышестоящих органов, отказавшись после января 1926 г. от участия в какой-либо оппозиции. Однако и этот короткий эпизод биографии становился достаточным основанием для попадания под волну репрессий 1930-х гг. Хотя известен и целый ряд исключений из этого правила. Например, Николай Георгиевич Массиу (1895 г.р.) открепленный от коллектива Института народного хозяйства за сочувствие оппозиции, сумел построить успешную карьеру и в начале 1940-х гг. занимал должность секретаря парторганизации Райкоммунотдела Кировского района Ленинграда.

Ко второй группе относятся убежденные противники сталинского курса, воспринявшие программу ленинградской организации как реальную альтернативу ему. В своем большинстве они продолжили политическую борьбу, войдя в блок, организованный Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым летом 1926 г. Среди них преподаватели ЛГУ Г.Е. Горбачев, К.В. Нотман, многочисленные студенты Горного института В.Ф. Лысов, З.М. Бравый, Е.А. Гречанская, Г.И. Козьмин, П.В. Сачко и др., студент Политехнического института С.Г. Боголепов, преподаватели и студенты Электротехнического института Г.П. Бальян, Б.С. Лейбель, М.Я. Натансон, продолжившие участвовать в троцкистском подполье вплоть до 1933 г. [см. 47, л. 3; 50, л. 1; 49, л. 5]. Все они были впоследствии репрессированы. Относительно «повезло» только одному из самых активных зиновьевцев С.К. Минину. В январе 1926 г. он отошел от активной политической борьбы из-за тяжелого состояния здоровья (нервное расстройство, вызванное последствиями травмы головы). В декабре 1927 г. он выступил на XV съезде с критикой поведения представителей ЦК на ленинградских предприятиях в дни борьбы с ленинградской оппозицией. Впоследствии был исключен из партии. Минин пытался оспорить подобное решение, заявляя, что объединенная оппозиция, исключенная из партии, имеет корни в дискуссии 1923 г., а не 1925–1926 гг., в которой он участвовал. Однако его объяснительная статья так и не была опубликована [7]. В 1932–1934 гг. Минин находился в ссылке в Тюменской области, в 1937–1945 гг. – в Московской нервно-психиатрической больнице. В 1945 г. оказался на свободе, в 1954 г. получил персональную пенсию, а в 1955 г. – орден Трудового Красного Знамени в честь годовщины Первой русской революции, участником которой он являлся. С этих пор Минин вернулся в список героев Гражданской войны [14].

Каковы были итоги 1925 г. для партийной жизни Ленинграда? Разгром новой оппозиции, смена редакции «Ленинградской правды» и «Красной газеты» уничтожили последнее легальное поле для партийной дискуссии. На новом этапе борьбы левой оппозиции блок Троцкого-Зиновьева действовал уже в подпольной или полуполюгальной сфере: печатать пропагандистские материалы приходилось самостоятельно, а проводить собрания сторонников отдельно от основных партийных коллективов. Тотальная чистка «зиновьевских» кадров в парторганизациях и их замена на партийцев, лояльных сталинской линии во многом предопределила поражение объединенной оппозиции 1926–1927 гг.

Список литературы

1. Автобиография // Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 1728. Оп. 1-52. Д. 408438. Ч. 2. Л. 23 об.

2. Анишев Ан. Об основном звене // Ленинградская правда. – 1925. – 19 дек. – С. 3.
3. Будченко Л.И. Организатор и вожак первых царицынских большевиков // Частные миры Великой русской революции: сб. науч. тр. (на рус. и татар. яз.). – Казань, 2017. – С. 277–283.
4. В партком ЛГИ // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-32. Д. 248718. Ч. 1. Л. 17.
5. В парткомитет ВКП(б) Ленинградского горного института // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-33. Д. 256306. Ч. 1. Л. 10 об.
6. Важюлевич А.В. Вокруг Маяковского. «Инженерица» Муся Натансон и другие // Литературный факт. – 2017. – № 5. – С. 125–154.
7. Вынужденный ответ. Письмо в редакцию «Большевика» [январь 1928 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9571. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
8. Григоров Г.И. Повороты судьбы и произвол: воспоминания, 1905–1927 годы. – М.: ОГИ, 2005. – 526 с.
9. Декларация, принятая XXII Ленинградской губернской партийной конференцией // Ленинградская правда. – 1925. – 16 дек. – С. 1.
10. Ленинградская правда. 1925. – 18 дек. – С. 2.
11. Минин С. Второй выпуск // Зиновьевец. – 1925. – № 6. – С. 2.
12. Молотов В. Отчетная компания в Ленинграде о работах XIV партийного съезда // Новая оппозиция. – Л.: Прибой, 1926.
13. Моя работа в оппозиционной группе. Из записок троцкиста Н.Н. Гаврилова // Память. Исторический сборник. – Париж, 1980.
14. Мужественный революционер. К 80-летию со дня рождения С.К. Минина // Правда. – 1962. – 29 июня. № 180.
15. Н.М. Маторин – Г.Е. Зиновьеву. 2/3 июля 1926 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 94–111.
16. Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 204 с. – URL: https://scepsis.net/library/id_3547.html (дата обращения: 30.07.2021).
17. Никуленкова Е.В. Подготовка экономистов-марксистов в институте красной профессуры в 1920-е годы // Вестн. Рязанск. гос. ун-та. – 2018. – Вып. 4. – С. 47–55.
18. [Письмо Маторина об экономическом положении Пскова] // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 112–116.
19. Протокол № 10. Заседания бюро коллектива ВКП(б) ЛИНХ совместно с активными работниками 5 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 7354. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.
20. Протокол № 11 заседания Бюро коллектива Ленинградского горного института от 4 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 об.
21. Протокол № 8 Общего собрания коллектива ВКП(б) ЛИНХ от 5 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-7354. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 об.
22. Протокол № 1 закрытого общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) коллектива Ленинградского горного института от 4 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–1 об.
23. Протокол № 1 Общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) Политехнического, Лесного и Физико-технического институтов [январь 1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 64 а. Л. 1.
24. Протокол № 13. Заседание Бюро коллектива РКП(б) Электротехнического института совместно с активом [январь 1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 91–92.

25. Протокол №13. Заседание Бюро коллектива РКП(б) Электротехнического института совместно с активом [январь 1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 94.

26. Протокол № 15 общего партийного собрания коллектива ВКП(б) Лесного института от 15 июля 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12. Л. 35 и далее.

27. Протокол № 16 общего объединенного собрания членов коллектива ВКП(б) Лесного института от 16 сентября 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12. Л. 39 и далее.

28. Протокол № 2. Объединенного собрания КУЗа и Института им. Крупской от 12 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. Д. 207. Л. 3 об.-4.

29. Протокол № 2. Расширенного заседания Бюро коллектива совместно с президиумом кружков при Университете им. тов. Зиновьева от 9 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. Д. 208. Л. 3.

30. Протокол № 3 общего партийного собрания коллектива ВКП(б) Лесного института от 4 февраля // ЦГАИПД СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 и далее.

31. Протокол закрытого пленума парторганизации института «Механобр» 14 февраля 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-81. Д. 640700. Ч. 3. Л. 2.

32. Протокол заседания бюро коллектива ВКП(б) Ленинградского медицинского института от 11 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 51. Л. 2–2 об.

33. Протокол заседания бюро коллектива ВКП(б) Ленинградского медицинского института от 11 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

34. Протокол заседания бюро коллектива университета им. тов. Зиновьева от 30 декабря 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. Д. 205. Л. 80.

35. Протокол общего собрания к-ва ВКП(б) университета им. Зиновьева и Института им. Крупской от 16 декабря 1925 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 197. Оп. 1. Д. 204. Л. 25.

36. Протокол собрания коллектива РКП(б) коммунистов университета им. тов. Зиновьева от 31 декабря 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 204. Л. 29.

37. Протокол собрания коллективов ВКП(б) Технического, Гражданского, Ветеринарного институтов, политехникума Путей сообщения и Латышского педагогического техникума // ЦГАИПД СПб. Ф. 1428. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

38. Протоколы заседание бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 4 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 2–2 об.

39. Роговин В.З. «Троцкизм»: взгляд через годы. – М.: Терра, 1992. – 399 с.

40. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 85. Д. 34.

41. Сеф. Тов. Астров «по-ленински» решает вопрос о госкапитализме // Ленинградская правда. – 1925. – 18 дек. – С. 3.

42. Стефаненко А.Ю. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926–1933 гг. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2021.

43. Татаров И. Наша действительность и наши перспективы // Ленинградская правда. – 1925. – 16 дек. – С. 3.

44. Фельштинский Ю.В., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929. – М.: Центрполиграф, 2013. – 451 с.

45. Цвибак М. Довольно полемической фразеологии! // Ленинградская правда. – 1925. – 19 дек. – С. 3.

46. Цвибак М. Куда привело ликвидаторство товарища А.С. // Ленинградская правда. – 1925. – 15 дек. – С. 4.

47. ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1-3. Д. 36.

48. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-60. Д. 474909.

49. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-68. Д. 539996.
 50. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4505. Оп. 39. Д. 341.
 51. Halfin I. *Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928.* – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press. – 2007. – 418 p.

References

1. *Anishev An. Ob osnovnom zvene* [On the main link] // *Leningradskaya pravda.* – 1925. – 19 *dekabrya.* – P. 3
2. *Budchenko L.I. Organizator i vozhak pervykh tsaritsynskikh bol'shevikov* [Organizer and leader of the first Tsaritsyn Bolsheviks] // *Chastnyye miry Velikoy russkoy revolyutsii. Sbornik nauchnykh trudov (na russkom i tatarskom yazykakh)* [Private Worlds of the Great Russian Revolution]. – Kazan', 2017. – Pp. 277–283.
3. Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. CGAIPD SPb. F. 1158. Op. 1-3. D. 36. L. 114–115.
4. CGAIPD SPb. F. 119. Op. 1. D. 39. L. 94.
5. CGAIPD SPb. F. 119. Op. 1. D. 39. L. 91–92.
6. CGAIPD SPb. F. 1428. Op. 1. D. 32. L. 1.
7. CGAIPD SPb. F. 1728. Op. 1. D. 408438. Part 2. L. 23 ob.
8. CGAIPD SPb. F. 197. Op. 1. D. 204. L. 25.
9. CGAIPD SPb. F. 197. Op. 1. D. 204. L. 29.
10. CGAIPD SPb. F. 197. Op. D. 205. L. 80.
11. CGAIPD SPb. F. 197. Op. D. 207. L. 3 ob–4.
12. CGAIPD SPb. F. 197. Op. D. 208. L. 3.
13. CGAIPD SPb. F. 257. Op. 1. D. 51. L. 2.
14. CGAIPD SPb. F. 257. Op. 1. D. 51. L. 2–2 ob.
15. CGAIPD SPb. F. 40. Op. 1. D. 64 a. L. 1.
16. CGAIPD SPb. F. 47. Op. 1. D. 12. L. 3 and further.
17. CGAIPD SPb. F. 47. Op. 1. D. 12. L. 35 and further.
18. CGAIPD SPb. F. 47. Op. 1. D. 12. L. 39 and further.
19. CGAIPD SPb. F. 7354. Op. 1. D. 46. L. 8.
20. CGAIPD SPb. F. 80. Op. 1. D. 62. L. 1–1 ob.
21. CGAIPD SPb. F. 984. Op. 1. D. 175. L. 2–2 ob.
22. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-32. D. 248718. Part 1. L. 17.
23. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-33. D. 256306. Part 1. L. 10 ob.
24. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-60. D. 474909.
25. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-68. D. 539996.
26. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-81. D. 640700. Part 3. L. 2.
27. CGAIPD SPb. F. R-4505. Op. 39. D. 341.
28. CGAIPD SPb. F. R-7354. Op. 1. D. 45. L. 1 ob.
29. CGAIPD SPb. F. 80. Op. 1. D. 33. L. 1 ob.
30. *Deklaratsiya, prinyataya XXII Leningradskoy gubernskoy partiynoy konferentsiyey* [Declaration adopted by the XXII Leningrad Provincial Party Conference] // *Leningradskaya pravda.* – 1925. – 16 *dekabrya.* – P. 1.
31. *Felshtinsky Yu.V., Chernyavsky G.I. Lev Trotskiy. Kniga tret'ya. Oppozitsioner. 1923–1929* [Leon Trotsky. Book three. Oppositionist. 1923–1929]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. – 451 p.
32. *Grigorov G.I. Povoroty sud'by i proizvol: vospominaniya, 1905–1927 gody.* [Twists of Fate and Arbitrariness: Memories, 1905–1927]. – Moscow: OGI, 2005. – 526 p.
33. Halfin I. *Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928.* – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press. – 2007. – 418 p.

34. *Leningradskaya pravda*. 1925. – 18 dekabrya. – P. 2.
35. *Minin S. Vtoroy vypusk* [Second edition] // *Zinov'yevets* [Zinovievist]. – 1925. – № 6. – P. 2.
36. *Molotov V. Otchetnaya kompaniya v Leningrade o rabotakh XIV partiynogo s"yezda* [Reporting company in Leningrad on the work of the XIV party congress] // *Novaya oppozitsiya*. Leningrad, Priboy, 1926.
37. *Moya rabota v oppozitsionnoy gruppe. Ikh zapisok trotskista N.N.Gavrilova* [My work in an opposition group. Their Notes of Trotskyist N.N. Gavrilov] // *Pamyat'. Istoricheskiy sbornik* [Memory. Historical collection]. – Paris, 1980.
38. *Muzhestvennyy revolyutsioner. K 80-letiyu so dnya rozhdenii S.K.Minina* [Courageous revolutionary. On the occasion of the 80th anniversary of the birth of S.K. Minin] // *Pravda*. – 1962. – 29 June. № 180.
39. *N.M. Matorin – G.Ye. Zinov'yevu. 2nd July 1926.* // RGASPI F. 324. Op. 1. D. 59. L. 94–111.
40. *Nazarov O.G. Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoy partii v usloviyakh NEPa*. [Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik party under the conditions of the NEP.] – Moscow: IVI RAN, 2002. – 204 p. – URL: https://scepis.net/library/id_3547.html (Date of access: 30.07.2021).
41. *Nikulenкова Ye.V. Podgotovka ekonomistov-marksistov v institute krasnoy professury v 1920-ye gody* [Training of Marxist economists at the Institute of Red Professors in the 1920s] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ryazan State University]. – 2018. – Iss. 4. – Pp. 47–55.
42. *Pis'mo Matorina ob ekonomicheskom polozhenii Pskova* [Letter from Matorin on the economic situation of Pskov] // [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI) F. 324. Op. 1. D. 59. L. 112–116.
43. *Rogovin V.Z. «Trotskizm»: vzglyad cherez gody* ["Trotskyism": a look through the years]. – Moscow: Terra, 1992. – 399 p.
44. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* // *RGASPI*. F. 17. Op. 85. D. 34.
45. *Sef. Tov. Astrov «po-leninski» reshayet vopros o goskapitalizme* [Astrov "in Lenin's way" resolves the issue of state capitalism] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. – 18 dekabrya. – P. 3.
46. *Stefanenko A.Yu. Vnutripartiynaya bor'ba v Leningrade. 1926–1933 gg.* [Internal party struggle in Leningrad. 1926–1933] / PhD thesis. – St. Petersburg, 2021.
47. *Tatarov I. Nasha deystvitel'nost' i nashi perspektivy* [Our reality and our prospects] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. – 16 dekabrya. – P. 3.
48. *Tsvibak M. Dovol'no polemicheskoy frazeologii!* [Enough polemical phraseology!] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. 19 dekabrya. – P. 3.
49. *Tsvibak M. Kuda privelo likvidatorstvo tovarishcha A.S.* [Where did the liquidationism of comrade A.S.] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. – 15 dekabrya. – P. 4.
50. *Vazhyulevich A.V. Vokrug Mayakovskogo. «Inzheneritsa» Musya Natanson i drugiye* [Around Mayakovsky. "Engineer" Musya Natanson and others] // *Literurnyy fakt* [Literary fact]. – 2017. – № 5. – Pp. 125–154.
51. *Vynuzhdennyy otvet. Pis'mo v redaktsiyu «Bol'shevika»* [yanvar' 1928 g.] [Forced response. Letter to the editor of "Bolshevik"] // *GARF*. F. 9571. Op. 1. D. 5. L. 1.